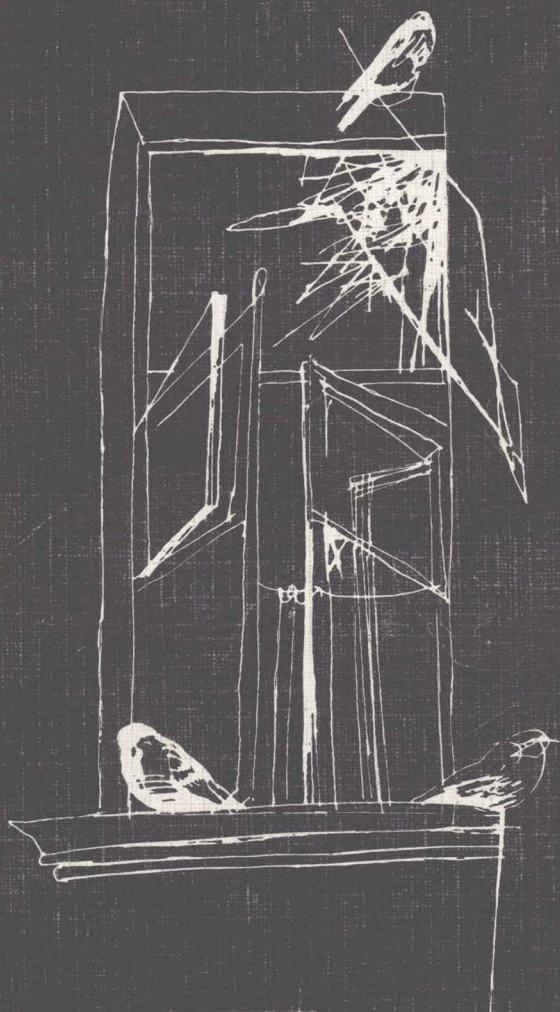

Галина Корнилова

ДРУЗЬЯ И ПОДРУГИ
ДЕТСТВА

Галина Корнилова

ДРУЗЬЯ И ПОДРУГИ
ДЕТСТВА

ПОВЕСТИ • РАССКАЗЫ

МОСКВА • СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ • 1987

Художник
ЕКАТЕРИНА КОРНИЛОВА

Корнилова Г. П.
К 67 Друзья и подруги детства: Повести и рассказы.—
М.: Советский писатель, 1987.—272 с.

Представляя когда-то в «Неделе» рассказ молодой писательницы Галины Корниловой, Константин Паустовский писал об ее «умении находить те жизненные узлы, где подлинная человечность побеждает обыденность».

Это свое умение писательница демонстрирует и в новой, четвертой по счету книге «Друзья и подруги детства». Для героев двух повестей и рассказов, включенных в книгу, оказывается важным не растерять в суете будней нравственную чистоту, подлинное человеческое достоинство.

К $\frac{4702010200-330}{083 (02)-87} 75-86$

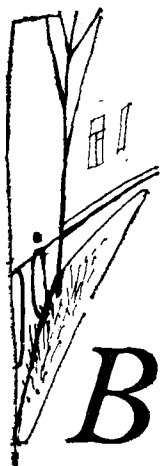
ББК 84.Р7

© Издательство «Советский писатель», 1987 г.

ПОВЕСТИ

НОЧНЫЕ ДОЖДИ

Всю ночь над городом лил лждь. Слабый, невесомый, казавшийся с вечера рассеянной в воздухе влажной пылью, он к полночи набрал силу и хищно рванулся с клубящихся тучами небес на беззащитную землю. Зашлись в боевой песне водосточные трубы, и орлиный клекот ливня в один миг заглушил все другие звуки мирно спящего города. Широкие ручьи с мерцающими в них отражениями уличных фонарей растекались по асфальту. Аллеи бульваров, утрамбованные ногами прохожих, превратились за одну ночь в непроходимую полосу болот. словно бы задавшись целью отмыть город добела, ливень, не щадя сил, окатывал его все новыми и новыми потоками, так что к утру улицы, площади, переулки и впрямь заблестели как новенькие.

На рассвете, когда дождь пошел на убыль, в воздух поднялись клубы испарений. Запахи оттаявшей, проснувшейся земли душистым облаком поплыли по улицам, дотянулись до распахнутых окон и форточек. Разом проснулись горожане, разбуженные этим полузабытым за долгую зиму ароматом — пробившейся в эту ночь молодой травы и раскрывшихся почек.

Удивительный, будоражащий и размягчающий душу запах продержался в городе ровно до той поры, пока не пронеслась по его улицам смрадно дышащая, яростно завывающая, схожая с оголтелой татарской ордой (семь веков назад пронесшейся теми же самыми дорогами) свора железных чудовищ.

Бодрствующему этой ночью дежурному инспектору восьмого отделения милиции В. И. Карасеву запахи весенней пробудившейся природы на рассвете, наоборот, навяли

короткий светлый сон. Задремавший нечаянно на своем посту дежурный инспектор вдруг увидел себя в родной избе, что давно уже стоит заколоченной в деревне Софрыгино под городом Дмитровом. И так хорошо было инспектору в том сне, так бы и оставался он в родном домике с полом, застланным домоткаными половичками, только рядом вдруг что-то завывало, загудело, и, очнувшись, он разглядел за полуотворенным окном выворачивающий из переулка газик. Инспектор не пришел еще до конца в себя, как тут же на его столе оглушительно зазвонил телефон. Протянув руку к трубке, Карасев в силу профессиональной привычки глянул одновременно на часы и машинально отметил: шесть десять... В трубку, поднятую к уху, он четко отрапортовал:

— Дежурный восьмого отделения слушает.

Но телефонная трубка безмолвствовала. Далекие шорохи и потрескивания улавливал он в ней. Как вдруг тоже далекий, высокий (подросток? женщина?) голос быстро, сбивчиво заговорил:

— Товарищ дежурный... там, на бульваре, против театра... женщина... но она умерла уже...

— Кто это говорит? Сообщите вашу фамилию, пожалуйста, — строго и напористо потребовал инспектор.

Но в трубке уже часто, словно бы испуганно вскрикивали короткие гудки. Без особого труда инспектор Карасев смог установить лишь одно: утренний звонок в милицию был сделан из автомата, находящегося в радиусе ста километров от Москвы.

Можно было предположить, что сообщение, поступившее в восьмое отделение милиции, было всего лишь розыгрышем где-то подгулявшей компании, в их практике случалось и такое. Однако бульвар, о котором говорил человек, позвонивший по телефону, находился всего в нескольких шагах от восьмого отделения. А потому проверить полученную информацию было нетрудно. Проверить ее стоило еще и потому, что в утреннем звонке было нечто такое, что насторожило опытного инспектора: в торопливых, захлебывающихся словах говорившего (скорее все-таки, это был мужчина) он безошибочно уловил панику, неестественное напряжение, дрожащие нотки. Вот почему в шесть часов двадцать минут утра Карасев, оставив отделение на попечение второго дежурного, зашагал по переулку в направлении бульвара.

Молоденькая, омытая ночным дождем листва бульвара

сверкала в этот час под лучами солнца. Голубело без единого пятнышка облаков небо, будто и не было никогда на нем никаких туч. Кричали вразнобой ошалевшие от первого тепла воробьи, глухими голосами чревовещателей разговаривали друг с другом жирные голуби.

Позевывая, инспектор прошелся по сырому песку аллеи, оглядел ряды скамеек, украшенных сияющими дождевыми каплями. Остановившись в том месте, где виден был из-за кустов фасад театра, он еще раз окинул взглядом безлюдный, заселенный сейчас одними птицами бульвар. Абсолютно никаких следов женщины, ни живой, ни мертвой, обнаружить ему не удалось. Ощущая теперь растущее раздражение на неведомого шутника, не поленившегося звонить на рассвете из другого города, инспектор, чуть поколебавшись, обогнул скамейку, скользя по мокрой глине, продрался сквозь кусты на газон. И здесь прямо перед собой он неожиданно увидел то, что искал. За густыми зарослями мокрого кустарника, в закутке, образуемом этими зарослями, стояла еще одна скамейка, и на ней навзничь лежала женщина в промокшей до нитки одежде.

Намокший, тяжелый, пепельный жгут ее косы, выбившись из-под откинутого капюшона, свисал до самой земли. На земле, успев запачкаться, лежали и концы светлого шарфа, обмотанного вокруг шеи женщины. Пуговицы ее темно-синего плаща были аккуратно застегнуты, к высокому наборному каблуку левой туфли прилип крошечный зеленый листочек.

С первого же взгляда инспектор Карасев догадался и о том, о чем умолчал неизвестный, позвонивший в отделение милиции: лежащая на скамье бульвара женщина была не просто мертва, она была убита.

«Из предварительных выводов судебно-медицинского эксперта Волкова Н. В.:

1. Смерть наступила около 5—6 часов тому назад, то есть в 01—02 ночи.

2. Причиной смерти явилось повреждение черепа в височной части 2×1,5 см с разрушением мозгового вещества и обильным кровоизлиянием.

3. Повреждение нанесено каким-то тупым твердым оружием, которым могла быть железная палка, камень и т. п., с выступающей поверхностью не более площади повреждения.

4. Небольшое количество следов крови на месте обнаружения трупа говорит о том, что вероятнее всего повреждение головы причинили в другом месте, а затем тело было доставлено сюда.

5. Принимая во внимание также отсутствие следов покушения на изнасилование, отсутствие данных, указывающих на ограбление, а также самоубийство, следует сделать вывод, что в данном случае имело место убийство на бытовой почве».

Глава 1

ЛИТСОТРУДНИК АНЯ ГОЛУБЕВА

В городской невнятной толпе Аня Голубева — человек заметный. Сама она, кажется, еще этого не знает, и слава богу. А может быть, знает и только делает вид, что она — как все. Но стоит лишь посмотреть, как спокойно, независимо шагает она переулками, улицей Горького или Арбатом, обмениваясь улыбками с милиционером возле подземного перехода, короткими репликами — с молодым продавцом газетного киоска, что на углу возле магазина «Светлана»! Весь город ей — родной дом, и эта особая свобода, естественность выдают в ней коренную жительницу этих мест.

Впрочем, такая она не всегда. Хотите — верьте, хотите — нет, но в ней (Аня и сама давно успела заметить в себе это) поселились и живут, не очень мешая друг другу, два совершенно разных человека. Трезвая, решительная Аня иногда превращается в Аню задумчивую, не очень уверенную в себе, сомневающуюся в своих силах. Случается, посторонние люди, заставшие ее в один из таких периодов, по-разному представляют себе Анин характер и соответственно по-разному относятся к ней.

Что еще вам сказать об Ане Голубевой? Ее друзья и знакомые единодушно считают ее хорошенькой. Между тем сама Аня не слишком довольна своей внешностью и хотела бы выглядеть как-то по-другому. Расчесывая темные свои густые волосы, подкрашивая ресницы, она подолгу смотрится в зеркало, но вовсе не потому, что любит себя. Ей кажется, что в лице ее с чуть коротковатым носом и широко расставленными серыми глазами нет чего-то значительного. И это ее огорчает. Аня не догадывается о том, что лицо ее хорошо не глазами и не носом, но скорее выражением яс-

ности, которое исчезает, едва она принимается придирчиво изучать себя в зеркале.

Еще совсем недавно Аня была студенткой университета. Но вот теперь она — сотрудник одного из «толстых» столичных журналов. Журнал этот, может быть, и не относится к числу популярных и читаемых, тем не менее Аня гордится своей работой. По молодости лет ей в редакции все нравится, в особенности же нравятся сотрудники журнала. За редким исключением все они — как Аня без усталости твердит своей бабушке Анастасии Васильевне — люди необыкновенно милые и интересные.

Можно добавить к слову, что о своих коллегах, как и вообще о своей жизни в редакции, Аня никогда почти не рассказывает матери. Причин для этого несколько. Начать с того, что ее мать, Наталья Андреевна Голубева, — довольно известный тренер по горнолыжному спорту — большую часть времени проводит на тренировках в горах, а в свои нечастые наезды домой занята бывает делами по горло. Во-вторых, как это ни странно, но Наталья Андреевна до сих пор не может простить дочери, что та не только выбрала себе профессию, со спортом никак не связанную, но и вообще к спорту более чем равнодушна. Мать всегда считала, что Аня свои спортивные таланты преступно зарыла в землю. Впрочем, так же считали и тренеры, от которых Аня поочередно удирала.

Сколько она себя помнила, она всегда ходила в спортивные детские секции и школы. В гимнастическую, лыжную, плавательную. В память о муже-альпинисте, погибшем во время одного из восхождений на Памир, мать решила во что бы то ни стало сделать из дочери спортивную звезду мировой величины. Едва девочка научилась ходить, как ее поставили на лыжи. В детской школе ЦДСА тренер хвалил Аню и обещал матери успехи в близком будущем. Но будущее это так и не наступило, потому что маленькая Аня взбунтовалась к концу первого же года. Замученная тренировками, она наотрез отказалась ходить в спортшколу. Не помогли ни крики матери, ни уговоры тренера. Смирившаяся в конце концов мать повела дочь в плавательный бассейн.

Между тем она отлично плавала и без бассейна. Каждое лето бабушка Анастасия Васильевна уезжала с внучкой к родне в деревню, что стояла на берегу широкой и быстрой реки. Неизвестно каким образом в этой деревне Аня научилась плавать в таком возрасте, когда городских детей и близко к воде не подпускают. Она плавала наперегонки с

деревенскими мальчишками, вместе с ними прыгала в воду с ветвей прибрежной ивы, училась опускаться на дно и сидеть там, дыша через тростниковую трубочку.

Аня умела плавать, но в бассейне должны были выработать стиль и сделать из нее чемпионку. Очередной тренер в очередной раз восхитился ее данными и решил заниматься с девочкой индивидуально. К его огорчению, эти занятия довольно скоро прекратились.

— Но ты же любишь плавать! — кричала на Аню расстроенная мать.

— Я люблю свободу, — надменно отвечала Аня-школьница. — А в бассейне я чувствую себя рабыней какой-то, неодушевленным предметом, машиной...

После этого Анина мать и Анина бабушка крупно поговорили о том, как следует воспитывать детей. Наталья Андреевна обвиняла мать в том, что она вырастила из внучки недисциплинированную эгоистку и анархистку. Наталья Андреевна и не подозревала при этом, какую роль сыграла она сама в развившейся у дочери нелюбви к спорту.

Анино детство было отравлено постоянной тревогой за мать-спортсменку. То и дело ее привозили домой с травмами — переломленными ключицами, вывихнутыми руками или ногами. Ане и бабушке частенько приходилось ездить в больницу, возить матери передачи, чтобы вскоре снова провожать ее в горы, а потом с тоской ждать очередного несчастья.

Когда Аня подросла, она пришла к мысли о том, что мать ее в сущности — неудачница. И дело не только в этих постоянных травмах. Ведь Наталье Андреевне, отдавшей столько сил спорту, так и не удалось поставить никаких рекордов. Более того, ничем не прославились и ее многочисленные ученики.

Но сама Наталья Андреевна, казалось, вполне была довольна и своей профессией, и своей судьбой. Едва оправившись от падения, она тут же принималась строить оптимистические планы, касающиеся грядущих побед ее команды, заражала оптимизмом и своих учеников.

— Мишук! — горячо уверяла она очередного своего любимца. — Уж поверь мне, все у тебя еще будет, все придет: и показатели, и место в сборной.

«Ничего такого у тебя не будет», — про себя возражала Аня, разглядывая лоснящееся от загара лицо «Мишука» с самолюбиво оттопыренной нижней губой и маленькими, недобро глядящими глазками.

Квартира их постоянно была забита лыжами, рюкзаками, безобразными, похожими на ортопедическую обувь горнолыжными ботинками. Запахи смолы и лыжной мази почти никогда не выветривались из комнат. От этого собственная квартира казалась Ане неуютной. Однако Наталья Андреевна чувствовала себя в такой обстановке прекрасно. Усевшись на тахте посреди раскиданного тут и там спортивного инвентаря, она оживленно рассказывала о подвигах какого-нибудь «Мишука», подающего совершенно необыкновенные надежды.

Нет, мать и дочь не были похожи друг на друга. Более того, рядом с матерью, вечно молодой, загорелой, восторженной, Аня чувствовала себя чем-то вроде ее старшей, более опытной и трезвой сестры. Давно, когда она еще училась в шестом классе, Аня вдруг сделала грустное открытие: в трудные минуты жизни мать не может служить ей опорой. Однажды двенадцатилетняя Аня объявила матери, что хочет с ней серьезно поговорить.

— Понимаешь, мама,— печально сказала Аня.— Что-то со мной происходит. Я не нравлюсь самой себе. И поэтому я не знаю, как жить дальше...

— Вздор! — сейчас же бодро откликнулась Наталья Андреевна.— Это только оттого, что ты не делаешь по утрам зарядки. Пятнадцать минут упражнений — и сейчас же под холодный душ. Очень даже себе понравишься, уверяю тебя...

Бесполезно было обращаться к матери со своими переживаниями. Хорошо еще, что была бабушка. Но как раз бабушку Наталья Андреевна упрекала за то, что та воспитывает внучку несовременным человеком, прививая ей прямо-таки старомодные вкусы и представления.

— Вы обе с нею — две старосветские помещицы. Вам бы, старой и малой, садик да беседку с самоваром...

Она намекала на то, что Анастасия Васильевна, родившаяся и выросшая в Москве, успела передать Ане любовь к городу ее молодости — неяркой, негромкой, «переулочной» Москве, с двухэтажными особнячками и двориками, заросшими сиренью.

Но ведь и в самом деле в таких районах города таится особое, ни с чем не сравнимое очарование. Вообразите себе: где-то на Ордынке, Полянке или же на старом Арбате вы свернете в переулок, шагнете в провал бывших здесь когда-то ворот, минуете тенистый проходной дворик и неожиданно для самого себя окажетесь как бы в ином мире. Еще минуту назад вы шли по тротуару, стиснутые потоком людей, нес-

лись рядом машины, автобусы и троллейбусы, шум и грохот сопровождал вас всю дорогу. А тут — неожиданно — тишина, портики, украшенные колоннами, кудрявая травка, выходящая у их подножия. В глубине распахнутого окна мелькнет на минуту овальный портрет старинной работы, замерцает глухо полустертая позолота кресел, нагонят вас звуки расстроенного пианино, запахи старого дерева и знакомый, радостный голосок теледикторши.

Как простодушный дворовый пес, город будет здесь ластиться к вашим ногам, доверчиво тереться о ваши колени потертой своей шкурой, и вы, возможно, именно здесь куда острее, чем на забитых толпой проспектах, ощутите вдруг сладкий смысл патетического слова «родина».

Однажды Аня сообщила своей институтской подруге:

— Ты знаешь, я уже заметила, что у людей, которые живут не в центре, а где-нибудь в переулках, в старых домах, совсем другое выражение лиц. В них больше индивидуальности...

— Это только твоя выдумка, — ответила подруга.

Однако позже, когда они вместе после лекций отправились гулять в «переулки», подруга вдруг призналась, что Аня, пожалуй, права.

Аня же в своей правоте ничуть не сомневалась. В дни ее раннего детства, пока родители лазили по горам, она жила вдвоем с бабушкой в стареньком деревянном флигелечке, гуляла по двору, украшенному столетней березой и пыльными зарослями сирени, и достаточно насмотрелась на лица окружающих ее здесь людей. А потому знала, о чем говорила.

К тому же был еще пример — сама бабушка: Анастасия Васильевна была индивидуальностью в полном смысле этого слова. Живость ее ума, широта интересов и неожиданность суждений делали ее полноправной подругой собственной внучки. А потому так любила Аня рассказывать бабушке о всех своих делах. В частности — о редакции, где она с недавних пор работала. И в самом деле, тут, конечно, было о чем порассказать.

Глава 2

ПРАКТИКАНТ ВАЛЕНТИН ЗАСЕКИН

Строго говоря, он никакой не практикант. Срок практики Засекина в редакции давно истек. Но случилось так, что как раз за это время он, поссорившись с деканом, успел

бросить один институт и не успел перевестись в другой. Поэтому официальное его положение в журнале в высшей степени неопределенно. Самому же Засекину такая неопределенность ничуть не мешает. Вы можете легко убедиться в этом, если заглянете как-нибудь в редакцию, что расположена против бульвара в ампирном, некогда принадлежавшем царицыному фавориту, доме.

Раскрыв тяжелую дверь, вы непременно услышите громкий, все заглушающий и кого-то распекающий голос. «Батюшки,— может подумать оробевший посетитель,— уж не главный ли гневается на своих сотрудников?» Но это всего лишь Засекин — объясняет, возражает, поучает.

Круг его обязанностей в редакции разнообразен. Он здесь, как говорится, «на подхвате». Иногда Засекин редактирует рецензии и статьи в отделе критики, иногда пишет их сам под выразительным псевдонимом «Д. Урашкин». Вместе с другими сотрудниками он вычитывает верстку, отвозит ее вместо заболевшего курьера в издательство, замещаая того же курьера, мотается с различными поручениями по городу. Время от времени по просьбе уборщицы Шуры он вешает на окна редакции привезенные из прачечной шторы или помогает гардеробщице Марье Михайловне заваривать в каморке под лестницей чай для сотрудников.

Чаще же всего вы можете обнаружить Засекина сидящим в глубоком кожаном кресле в отделе критики. Он сидит там, заложив ногу за ногу, и «травит» не спеша одну за другой истории из своей полной ярких событий жизни. Над головой его тускло отсвечивают золоченые стрелки старинных часов, неведь каким образом попавших в редакцию и давно остановившихся на цифре 12.

— Они,— утверждает Засекин,— указывают роковой для меня час. Когда я погибну от предательского клинка, яда или доноса, засекайте время. Это будет ровно в полночь.

— А почему не в полдень? — спросил как-то его Лева Бобрыкин, заведующий отделом критики, человек, во многом сомневающийся.

— Потому что в полдень я обычно сплю, это не мое время...

Засекин постоянно окружен друзьями. В их обществе он планирует по бульвару, звонит им из редакции по телефону, назначая или отменяя встречу в различных значных местах, которые приятели именуют «ямами» и «кавярнями». Нередко друзья Засекина появляются и в самой редакции. Как правило, это или прекрасно «упакованные» юные

джентльмены в «ренглерах» и кожаных пиджаках или же заросшие буйными бородами, расхристанные и залатанные со всех сторон заплатами из несвежей мешковины субъекты. Нашествие засекинских друзей в редакцию иногда кончается тем, что уборщица Шурочка на рассвете обнаруживает в отделе прозы на потертом диванчике парочку мирно спящих незнакомцев.

Неделю назад один из таких приятелей Валентина проник даже в святая святых редакции — машинописное бюро, где царит и властвует строгая Нина Николаевна Обухова. Придя утром на работу, Нина Николаевна обнаружила, что двери машбюро широко распахнуты, а за ее столом восседает неизвестный ей субъект в бороде и усах и что-то печатает одним пальцем на редакционной машинке марки «Эрика». В ответ на гневный вопрос Нины Николаевны, что он здесь делает, парень, благодушно улыбаясь, объяснил, что он перепечатывает сонеты собственного сочинения и что воспользоваться машинкой ему разрешил Засекин.

Обухова тотчас же выгнала непрошеного гостя из машбюро и вызвала снизу для объяснения практиканта.

— И знаете ли вы, что он мне ответил, этот ваш Засекин? — с негодованием вопрошала Нина Николаевна часом позже работников отдела критики.

А ответил Засекин возмущенной заведующей вот что:

— Вольно же вам, Нина Николаевна, было проявлять ненужное служебное рвение и приходить на работу на целый час раньше. Как раз за этот час он бы и закончил печатать свои сонеты. А кроме того, вы должны гордиться, что они напечатаны на вашей машинке. Этот поэт — гений. Когда-нибудь вы еще выпустите мемуары, где в розовых тонах опишете свою встречу с ним. И я уверен: там вы себя изобразите покровительницей юного дарования. Дескать, «помню, что мы вместе с ним работали над рукописью его сонетов...» и тэпэ и тэдэ.

— Ну не нахал ли?! — резюмировала Обухова. — И все только потому, что вы с ним носитесь как с балованным ребенком, любая дерзость сходит ему с рук.

Она была совершенно права. Засекин, разумеется, был нахалом, и отдел критики, к которому он прикреплен, в полном своем составе прощал ему это качество, ценя в Засекине другое.

Так, Лева Бобрыкин твердо знал: в трудную минуту он может на Засекина положиться. Любой материал Засекин в

самые сжатые сроки сумеет сократить, отредактировать, переписать так, что автор его и не узнает.

Что касается Ани Голубевой, то первый день ее работы в редакции совпал с периодом неуверенности в себе. Многоопытный Валентин тут же отметил это обстоятельство и стал оказывать молодому сотруднику покровительство.

— Ты, мать, держись за меня,— призывал он,— одна ты здесь пропадешь, тутошние акулы тебя враз проглотят и косточек не выплюнут. Уж больно ты инфантильна,— жалостливо продолжал он,— до прозрачной, можно сказать, голубизны...

Покровительствовал Засекин и второму литсотруднику отдела критики — Верочке Моисеевой. Однако сама Верочка боялась практиканта как огня. Тут нужно сказать несколько слов о сложности их взаимоотношений. Бедная Верочка была из «нужных». То есть относилась к категории личностей, которые по каким-то причинам, отнюдь не литературного плана, оказывались нужными главному редактору. Папа Верочки Моисеевой был очень большим начальником. Радея о своем чаде, молодом специалисте, он позвонил редактору по телефону, и вопрос о Верочке тут же был решен.

В редакции весть о приходе «нужника» встретили ропотом.

— Ну, начинается! — зловеще объявила Ирина Аркадьевна, возглавляющая отдел публицистики. — Сейчас начнут ползти к нам со всех сторон избалованные дочки и сыночки. Делать они ничего не умеют, зато гонор ой-ей-ей!

Больше же всех возмущался Засекин.

— Вот увидите,— обещал он,— явится разряженная мымра и сядет нам на голову. Знаю я эту породу, приходится общаться...

Но явилась Верочка, и всех охватило недоумение.

Верочка Моисеева была болезненна, тиха и деликатна до застенчивости. Одевалась она очень скромно, говорила едва слышно, но работником, несмотря на ее слабое здоровье, оказалась безотказным. Никто больше нее не сидел над материалом, никто дольше не задерживался в редакции. Она не только никому не «села на голову», но с готовностью бросалась помогать тому, кто «запаривался» с порученной ему статьей или рецензией. Словом, «блатником» она оказалась нетипичным, и скоро в редакции все ее полюбили.

Засекин поначалу был с нею строг, ибо долго не мог поверить в то, что Верочка «не придуривается», ведя себя

столь скромно. Верочка же, чувствуя на себе постоянно его придирчивое внимание, трепетала перед взыскательным практикантом куда больше, чем перед Левой, своим непосредственным начальником, и даже, пожалуй, больше, чем перед самым главным редактором.

Впрочем, Засекина, занимающего в редакции столь скромный пост, не являющегося даже штатным сотрудником, побаивается не одна Верочка. Случается, что его язвительные замечания наводили оторопь и на авторов.

— Скажите-ка откровенно, — спрашивал он автора той или иной хвалебной рецензии, — неужто вам и в самом деле нравится эта книга? Вон вы тут какие эпитеты употребляете: «искренняя», «талантливая», «проникновенная». Где же вы там увидели талант? Ведь сплошная серость, подделка, фикция.

Авторы криво улыбались, пытались отшучиваться, но чувствовали себя явно не в своей тарелке. А Засекину только того и надо было.

Не раз он, вздыхая, говорил:

— Нет, видно, придется самому садиться за прозу. Кругом одна лажа, нет писателей, вывелись начисто, как тараканы после дэдэтэ. Вот подождите, засяду за роман, тогда вы все поймете, что такое настоящая проза.

Забегая вперед, скажем, что за роман Засекин, насколько нам известно, все еще не «засел». Хотя и сейчас, повстречавшись с ним где-нибудь в ЦДЛ во время его наездов из костромской «глухомани», можно услышать о его намерении написать «настоящую прозу и показать всем, что это такое». Впрочем, кто знает, вдруг это свое намерение Засекин и в самом деле когда-нибудь приведет в исполнение. Остается лишь ждать и надеяться.

Нина Николаевна Обухова тем не менее была права: в редакции Засекину многое сходило с рук. Он сам приписывал это исключительно силе своего личного обаяния, перед которым, дескать, не может устоять даже строгое начальство. Но все-таки был в журнале один человек, не только не прощавший Валентину его нахальства, но и открыто объявивший тому войну не на жизнь, а на смерть. Таким человеком была заведующая редакцией Лиля, или, точнее, Лилиана Алексеевна Горохова. Тут, однако, нужно отметить и другое: сам Засекин платил ей столь же откровенной неприязнью. То есть скорее Горохова пылала ненавистью к нахальному практиканту именно за то, что в присутствии

многих людей он не раз «проходил» в ее адрес с разнообразными двусмысленными шуточками.

Так, нередко, возводя глаза к потолку, он лицемерно вздыхал и принимался сокрушаться о тех канувших в Лету временах, когда Архангельская губерния (Лиля была родом из-под Архангельска) поставляла в столицу Ломоносовых. Теперь же вместо них оттуда едут Гороховы, а это государству Российскому славы не принесет, увы...

Или же, напустив на себя ностальгическую меланхолию, Засекин раздражался речью более общего характера:

— Где же, где же они, те денечки на заре века, когда на шумных улицах больших городов появлялись, словно полевые цветы среди асфальта, застенчивые, пугливые провинциалы?! Увы, провинциал теперь стал не тот, нынешний пошел без нервозности и пугливости, железный нынче попер провинциал...

Когда же Лева Бобрыкин, пытаясь урезонить распоясавшегося Засекина, отмечал, что Лиля Горохова все-таки женщина и поэтому как-то нехорошо, Валентин в притворном ужасе откидывался на спинку кресла:

— Женщина?! Это она — женщина?! Нет, Левочка, ты просто еще ее не разглядел как следует. Она не женщина, она — Растиньяк в юбке, вот она кто...

Г л а в а 3

ЛИЛЯ ГОРОХОВА — ЗАВЕДУЮЩАЯ РЕДАКЦИЕЙ

Допустим на минуту, что Засекин кое в чем все-таки прав. Ведь и в самом деле нет, кажется, вокруг нас Ломоносовых. Да и тех, других, им упомянутых, застенчивых и пугливых, тоже что-то нигде не видно, как ни напрягайся, ни вглядывайся в окружившую нас со всех сторон действительность.

И правда, где же они все, куда подевались эти милые в своей наивной робости провинциалы, с чистыми, не замутненными дымом заводов и фабрик лицами? Где они, столь патетически воспетые поэтами и киношниками двадцатых и тридцатых годов? Те пастушки, которые в большом городе превращались в знаменитых музыкантов, те замарашки, припадающие на букву «о», в которых большой город разбудил скрытый талант ткачих-многостаночниц. В наши, восьмидесятые, этих робеющих, чистых и стихийно талантливых что-то не видеть. Да и что им, робеющим, делать здесь сейчас? Разросшийся, расплотившийся город с бешеным